

В. И. Ленин в «советских» произведениях Курцио Малапарте

© 2021 А.В. Голубцова

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_130_142

Vladimir Lenin in the “Soviet” Works by Curzio Malaparte

© 2021 Anastasia V. Golubtsova

Информация об авторе:

Анастасия Викторовна Голубцова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: ana1294@yandex.ru.

Ключевые слова: К. Малапарте, В.И. Ленин, СССР, публицистика, роман, советско-итальянские литературные связи.

Аннотация: Статья посвящена трансформации образа Ленина в публицистических и художественных произведениях Курцио Малапарте, написанных после визита автора в СССР в 1929 г. (публицистические сочинения «Осмысление Ленина», «Техника государственного переворота», «Ленин-добряк», неоконченный роман «Бал в Кремле»). Несмотря на обилие повторяющихся мотивов, образ вождя революции от произведения к произведению и даже внутри одного текста претерпевает серьезные трансформации, отражающие изменение политической ситуации в СССР, Италии и Европе в целом, а также эволюцию взглядов самого Малапарте. События, происходящие в Советской России, и личности, участвующие в этих событиях, воспринимаются писателем как плоть от плоти европейской буржуазной цивилизации. В глазах Малапарте Ленин соединяет в себе русское и европейское начала. В своих публицистических и художественных текстах автор неоднократно отмечает, что Россия – это «другая Европа», и, размышляя о Советской России, он пытается осмыслить прошлое, настоящее и будущее европейских стран, анализирует состояние и перспективы современного ему западного общества, в том числе и родной Италии.

Статья подготовлена в ИМЛИ РАН при поддержке гранта **Российского научного фонда** 20-78-00042 «Советский Союз и «русский миф» в travelogueх итальянских писателей».

Information about the author:

Anastasia V. Golubtsova, PhD., Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ana1294@yandex.ru.

Keywords: Curzio Malaparte, Vladimir Lenin, USSR, non-fiction, novels, Soviet-Italian literary connections.

Abstract: The article studies the transformation of the image of Vladimir Lenin in non-fictional and fictional works by Curzio Malaparte written after his visit to the USSR in 1929 (*The Intelligence of Lenin, Coup D'etat: The Technique of revolution, Lenin the Good Fellow, The Kremlin Ball*). Despite a number of repeating motifs, the image of Lenin changes considerably from text to text and even within the same work. Those changes are determined both by the varying political situation in the USSR, Italy and Europe and by the evolution of Malaparte's views. For Malaparte the events that take place in Soviet Russia and historical figures that participate in these events are an organic part of the European bourgeois civilization. Malaparte viewed Lenin as a type that united European and Russian elements. In his novels and nonfictional works Malaparte used to emphasize that Russia is “yet another Europe”. Thinking about Soviet Russia he strives to understand European past, present and future, to consider the current situation and the prospects of the modern Western, and particularly Italian society.

Acknowledgement: The article was prepared at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no 20-78-00042 “Soviet Union and the ‘Russian Myth’ in the Travelogues by Italian Writers”.

в.и. ленин в «советских» произведениях курцио малапарте

Принятые сокращения:

- БК – Малапарте К. Бал в Кремле / Пер. с ит. А. В. Ямпольской. М.: АСТ, 2019.
 ТПП – Малапарте К. Техника государственного переворота / Пер. с ит. Н. Кулиш.
 М.: Аграф, 1998.
 IBL – Malaparte C. *Il buonuomo Lenin* / a cura di Mariarosca Bricchi. Milano: Adelphi,
 2018.
 IdL – Malaparte C. *Intelligenza di Lenin*. Milano: Treves, 1930.

Курцио Малапарте (1898–1957) – один из первых крупных итальянских писателей, побывавших в Советском Союзе. Он пробыл в СССР с мая по июнь 1929 г. в качестве корреспондента газеты *La Stampa*, которую возглавил незадолго до поездки. Его очерки о путешествии в СССР публиковались в газете с июня 1929 по апрель 1930 г. и в 1930-м были изданы отдельной книгой под заглавием «Осмысление Ленина» (*Intelligenza di Lenin*, 1930). Правда, считается, что первый контакт Малапарте с русской культурой произошел еще в 1915-м, на фронтах Первой мировой, где будущий писатель, по его собственному свидетельству, познакомился с приемным сыном М. Горького – Зиновием Алексеевичем Пешковым¹, от которого получил начальное знание русского языка. В 1919–1920 гг., в период советско-польской войны, Малапарте состоял при итальянской дипломатической миссии в Варшаве и, возможно, был свидетелем событий, связанных с попыткой взятия польской столицы советскими войсками². Вероятно, именно тогда и зародился интерес к Советскому Союзу, который в дальнейшем красной нитью пройдет через все творчество писателя.

Исследователи связывают решение Малапарте посетить СССР в 1929-м не только с его личными увлечениями, но и с экономическими интересами семьи Аньелли – владельцев автомобильного концерна «Фиат», которым принадлежала и газета *La Stampa*: визит писателя в Советский Союз был частью политики руководства «Фиата», направленной на расширение экономического сотрудничества с СССР на рубеже 1920-х – 1930-х гг.³ Сыграло свою роль

¹ Giacobbe C.M. *Kurt Erich Suckert e la Russia. Nuove prospettive di studi malapartiani. Tesi di dottorato*. Milano: Università degli studi di Milano, anno accademico 2016/2017, p. 12. Этот эпизод упоминается, в частности, в опубликованной посмертно книге путевых очерков Малапарте «Я в России и Китае» (1958), о которой пойдет речь далее: Malaparte C. *Io, in Russia e in Cina*. Firenze: Vallecchi, 1958, p. 83.

² Это предположение опирается лишь на слова самого Малапарте, документальные подтверждения данного факта отсутствуют. См.: Giacobbe C.M. *Kurt Erich Suckert e la Russia*, pp. 10–11.

³ Подробнее об этом см. Giacobbe C.M. *Kurt Erich Suckert e la Russia*, p. 17; Petracchi G. *Viaggiatori fascisti e/o fascisti a modo loro nella Russia e sulla Russia degli anni Venti e Trenta. Rivista di Studi Politici Internazionali*. Nuova serie, vol. 81, no. 1 (321), 2014, gennaio-marzo, pp. 35–36; Serra M. *Malaparte*. Paris: Perrin, 2012, p. 189.

и неоднозначное отношение к советскому режиму со стороны официальных властей. С одной стороны, фашистская пропаганда активно использовала образ коммунизма и большевизма как идеологического противника. В рамках этого подхода коммунизм изображался как воплощение «азиатского деспотизма», «порождение восточного менталитета, не имевшего ничего общего с западной цивилизацией, основанной на христианских ценностях и направленной на созидание и эволюционное развитие»⁴. С другой стороны, как пронциательно отмечает М. Серра, «дуче смотрит на СССР с интересом, даже со своего рода скрытой ревностью <...> СССР совершил революцию, которая, в конечном счете, не так уж далека от той, которую он сам хочет совершить в Италии, чтобы избавить страну от влияния трона и слабой и неверной буржуазии»⁵. Во второй половине 1920-х одной из излюбленных тем официальной фашистской пропаганды становится упадок буржуазной Европы, и по мере того как Италия все сильнее противопоставляет себя остальным странам Запада, многие итальянские интеллектуалы начинают рассматривать коммунистический режим как «незаконнорожденного брата» фашизма, со смесью презрения и интереса⁶. 1920-е и первая половина 1930-х стали для Италии и СССР временем политического и культурного сближения и экономического сотрудничества, которое в 1933 г. было официально закреплено итало-советским Пактом о дружбе, ненападении и нейтралитете⁷.

Сочетание внутриитальянских политических и экономических реалий, общеевропейского интереса к «модной» советской теме и личных пристрастий писателя предопределило решение Малапарте отправиться в Советский Союз. В 1920-х в СССР работало значительное число итальянских корреспондентов, однако журналистская работа серьезно осложнялась незнанием русского языка, надзором со стороны властей, советской и фашистской цензурой. Как отмечает Дж. Петракки, в отличие от обычных журналистов, известные писатели и авторитетные интеллектуалы пользовались определенной «духовной свободой», и даже сотрудничая с прессой, в меньшей степени зависели от издательской политики и цензурных ограничений⁸. В этом отношении «Осмысление Ленина» представляет особый интерес, выделяясь глубиной анализа,

⁴ Дубровина О.В. Формирование представлений о Советской России/СССР в фашистской Италии 1922–1943 гг.: дисс... канд. истор. наук. М., 2017. С. 85.

⁵ Serra M. *Malaparte*, pp. 191–192.

⁶ Traini Ch. *Narrare la Russia: gli scrittori viaggiatori italiani in Russia nel periodo sovietico. Corso di dottorato di ricerca in culture umanistiche*. Urbino, 2016, p. 16.

⁷ Только во второй половине 1930-х, в период итало-эфиопской войны 1935–1936 гг. и гражданской войны в Испании, отношения между двумя странами обострились, и официальная позиция фашистской Италии по отношению к СССР приобрела отчетливую антикоммунистическую окраску.

⁸ Petracchi G. *Viaggiatori fascisti e/o fascisti...*, pp. 36–37.

в.и. ленин в «советских» произведениях курцио малапарте

оригинальностью и независимостью суждений. Уже здесь Малапарте вырабатывает свою характерную писательскую манеру – отстраненную, подчеркнута объективную, доходящую почти до цинизма⁹; здесь же присутствует ряд идей и образов, которые, многообразно трансформируясь, будут в значительной степени определять содержание и тональность дальнейших «советских» произведений автора¹⁰.

«Осмысление Ленина», написанное «по следам» поездки в СССР, представляет собой не традиционный травелог, а, скорее, аналитический очерк, в котором автор стремится исследовать историческую логику русской революции, исходя из особенностей личности ее «творца», В.И. Ленина, а описание реалий советской жизни выступает лишь как материал или иллюстрация для теоретических рассуждений. Именно здесь Малапарте формулирует те базовые предпосылки, на которые он будет опираться во всех своих «советских» произведениях: презрение к западному либерализму, не позволяющему адекватно оценить и понять не только русскую революцию, но и феномен революции как таковой; необходимость рассматривать большевизм с точки зрения его собственной внутренней логики, которая порой оказывается парадоксально близкой к этатистским принципам фашизма; отрицание расхожего образа большевистской России как «азиатской загадки»¹¹, отражающего бессилие либеральной мысли. В понимании Малапарте, большевизм является не воплощением характерного русского «азиатского деспотизма», а порождением западной либеральной культуры; впрочем, это не мешает автору оперировать в своих работах элементами мифологизированных представлений о специфической «татарско-византийской» русской культуре и «загадочной русской душе», о врожденном анархизме, пассивности и фатализме русского народа¹².

⁹ В романе «Бал в Кремле», о котором пойдет речь далее, сам автор, характеризуя свой подчеркнута беспристрастный стиль, ссылается на М. Пруста (не исключено, что нарочитая отстраненность и беспристрастность более ранних произведений Малапарте, как публицистических, так и художественных, также связана с влиянием Пруста): «Этот роман оказался <...> романом как понимал его Пруст (не по стилю, а из-за подчеркнутой *désintéressement*, отличающей романы и персонажей Марселя Пруста)» (БК: 74). Здесь и далее роман цит. по русскому переводу; перевод сверен с итальянским изданием: Malaparte C. *Il ballo al Cremlino e altri inediti di romanzo*, presentazione di Enrico Falqui. Firenze: Vallecchi, 1971.

¹⁰ Р. Родонди, подготовившая последнее итальянское издание «Бала в Кремле», справедливо называет «Осмысление Ленина» «концептуальным архитравом его работ на советскую тему» (цит. по: Giacobbe C.M. *Kurt Erich Suckert e la Russia*, p. 74).

¹¹ Имеется в виду представление о России как загадочной восточной стране, недоступной пониманию западного человека, лежащее в основе европейского «мифа о России», ключевую роль в формировании которого сыграла книга А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (*La Russie en 1839*, 1843).

¹² Концепция «загадочной русской души», включающая в себя представления о коллективизме, пассивности и фатализме русского народа, окончательно оформляется в знаменитой книге Э.-М. де Вогиэ «Русский роман» (*Le roman russe*, 1886), которая фактически открывает русскую

На стыке этих двух внешне противоречащих друг другу представлений и возникает образ вождя русской революции: в глазах Малапарте Ленин соединяет в себе два по видимости противостоящих друг другу начала – русское и европейское. Он одновременно и несет в себе черты русского характера и европейской морали, и отрицает их: «Антиевропейское лицо <...> двуликой логики Ленина имеет русские черты, антирусское же – черты европейские» (IdL: 23). Безжалостная и холодная логика Ленина, которая и является главной темой книги, трактуется как единственная сила, способная обуздать хаос русской души. Рациональность и бесстрашие Ленина подчеркивается соответствующими метафорами: задуманная им трансформация жизни русского народа совершается «в белом, неподвижном, холодном свете, как в операционных залах» (IdL: 43). Методы Ленина отличает сочетание оппортунизма и непреклонности – гибкость в выборе средств уравнивается строгой определенностью целей. Малапарте со смесью ужаса и восхищения рассуждает о беспринципности и жестокости Ленина в борьбе с политическими противниками, и тут же приводит примеры, свидетельствующие о его чувстве юмора, сентиментальности, любви к детям и животным. Не случайно одна из глав книги получает название «Красная невинность» – Ленин не испытывает укоров совести, потому что его жестокость соответствует естественному порядку вещей: «Он тоже мечтает о добром и счастливом человечестве, но разве он виноват в том, что люди злы и что для того, чтобы сделать добрым и счастливым все человечество, нужно убивать людей?» (IdL: 45). Эта невинность как бы искупает и оправдывает все ужасы революции и парадоксальным образом обнаруживает в фигуре Ленина христологические черты: он характеризуется как «волк Божий, который взял на себя грехи мира» (IdL: 45)¹³, а его тело в Мавзолее уподобляется мощам святого. Впрочем, автор немедленно развенчивает этот сакральный образ, называя Ленина «искусственным» святым и подчеркивая, что только «в глазах фанатиков» он напоминает святые мощи, которые первые христиане тайно вывозили с Востока: «Ни один корабль не вывезет останки Ленина, не затонув. Мертвецы – тяжелый груз» (IdL: 49). В последней главе книги, где Малапарте вновь обращается к впечатлениям от посещения Мавзолея, восприятие фигуры Ленина претерпевает еще более резкую метаморфозу: коммунистический святой превращается в «жалкую мумию», которая покоится в стеклянном саркофаге, поскольку его адепты боятся, что «добрая русская земля» отвергнет его прах (IdL: 174). Трансформация образа Ленина – от почти благоговейной интонации первых страниц до презрительной характеристики в финале – составляет скрытый «сюжет» травелога. Восхищаясь хитростью

литературу не только для французского, но и в целом для западного читателя и определяет контуры «русского мифа», влияние которого в зарубежной рецепции русской культуры ощущается до сих пор. См. об этом, напр.: *Фокин С.Л.* Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: РХГА, 2013. С. 32.

¹³ Аллюзия на Ин 1:29.

в.и. ленин в «советских» произведениях курцио малапарте

и жестокостью Ленина, в финале Малапарте выносит моральный приговор и ему самому, и всему советскому режиму.

О неприятии советского строя, проступающем сквозь нарочитую объективность и «научность» рассуждений Малапарте, пишет и автор рецензии на «Осмысление Ленина» в *La Stampa*, приводя любопытный факт: «После своей поездки в Россию <...> Курцио Малапарте, приземлившись после перелета из Москвы в Венецию, отправил дуче такую телеграмму: "Я глубоко благодарен Вам как итальянец и как фашист за то, что Вы спасли Италию от большевизма"»¹⁴.

В 1931 г. во Франции выходит очередное политическое сочинение Малапарте, «Техника государственного переворота» (*Technique du coup d'État*), которое будет запрещено в Италии и впервые выйдет в свет на итальянском языке только в 1948 г. В этой работе автор на конкретных примерах из европейской истории – от Французской революции до Октябрьского переворота, фашистской революции и гитлеровского Пивного путча – анализирует технологии захвата государственной власти. Революция здесь рассматривается не как порождение социально-политической ситуации, а как результат применения определенной «техники»: это плод работы активного меньшинства, способного подчинить себе инертные народные массы. Эта идея звучала уже в «Осмыслении Ленина», где возникает яркий образ горстки восставших рабочих, которые, завоевав власть, вырывают кнут из рук прежних хозяев и секут им равно и господ, и слуг: «Народ России, глухая чернь, бесхребетная толпа, рабочие победили: горе тебе!» (IdL: 125).

Поскольку «Техника государственного переворота» посвящена не стратегии, а тактике организации революций, Малапарте, рассматривая ход событий Октября, наибольшее внимание уделяет Троцкому как «тактику» и «создателю техники большевистского переворота», в отличие от Ленина – «стратега революции», ее теоретика, идеолога и вдохновителя (ТГП: 92–93)¹⁵. В трактовке Малапарте Ленин рассчитывает на масштабное восстание народных масс, Троцкий же разрабатывает план действий, который способна осуществить даже немногочисленная группа революционеров (захват ключевых стратегических пунктов – телеграфа, электростанций, вокзалов, мостов, затем – административных учреждений и органов политической власти, и в итоге – свержение правительства). Успех Октябрьской революции обеспечивается сочетанием двух факторов – «технического» подхода Троцкого и стратегической и теоретической мысли Ленина, однако именно в тактике Троцкого, по мнению итальянского писателя, заключена основная «коммунистическая опасность»: если стратегия Ленина тесно связана с ситуацией, сложившейся в России в 1917 г., то техника

¹⁴ Signorette A. Un libro sulla Russia. *La Stampa*, 1930, 16 luglio.

¹⁵ Рус. пер. сверен с итальянским изд.: Malaparte C. *Tecnica del colpo di Stato*. Firenze: Vallecchi, 1973.

Троцкого не зависит от конкретных условий и может быть использована для организации коммунистического переворота в любом государстве Европы.

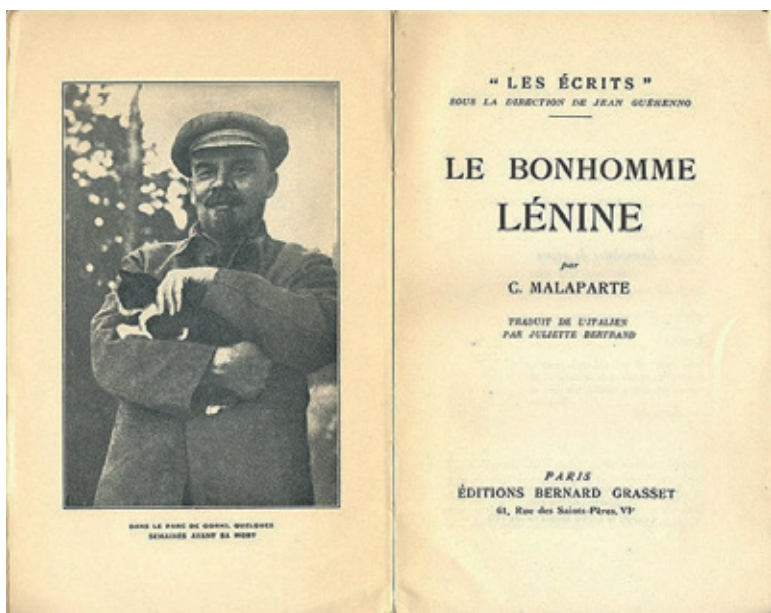
Уже в следующей книге под названием «Ленин-добряк» (*Le bonhomme Lénine*)¹⁶, изданной во Франции в 1932 г. и долгое время запрещенной в Италии¹⁷, внимание Малапарте вновь сосредоточивается на фигуре Ленина. В этой работе, по сравнению с «Осмыслением Ленина», Малапарте уделяет меньше внимания исследованию советского общества, и в большей степени концентрируется на биографии вождя революции. Ленин по-прежнему рассматривается как порождение европейского либерализма и противоречивой «русской души» – соответствующий фрагмент из «Осмысления Ленина» почти дословно перепечатан в «Ленине-добряке»: «В широком горизонте логики Ленина православным (в “Ленине-добряке” – азиатским. – А.Г.) куполам храма Василия Блаженного служат противовесом башня Вестминстера и Эйфелева башня...» и далее (IdL: 22–23; IBL: 22–23). Любопытно, что если в «Осмыслении Ленина» Малапарте противопоставляет Европу и Россию через дихотомию «европейское-православное», то во второй книге он обращается к более радикальной оппозиции «европейское-азиатское».

Вместе с тем, образ Ленина претерпевает и некоторую трансформацию. В первой книге в центре внимания автора оказывается взаимодействие, синтез этих двух начал, а сам Ленин в своей предельной рациональности, беспринципности и бесстрастности приобретает почти сверхчеловеческие черты; в «Ленине-добряке» Малапарте интересует, прежде всего, «европейская» составляющая личности Ленина, который предстает как типичный западный мелкий буржуа. Поэтому вторая работа о Ленине рисует значительно более статичный и целостный образ, лишенный внутренней динамики, характерной для «Осмысления Ленина». Впрочем, следует отметить, что идея, лежащая в основе книги, впервые коротко прозвучала еще в первой книге, где неотъемлемым свойством характера Ленина объявляется «внезапная злоба мелкого буржуа» (IdL: 67).

Излагая биографию Ленина, Малапарте в своей характерной парадоксальной манере отвергает обе расхожие трактовки его образа: советскую, превращающую жизнь вождя в «политическую агиографию», и западную, изображающую его как «пролетарского Чингисхана» (IBL: 7) в рамках стереотипной оппозиции

¹⁶ С. Гардзони во вступительной статье к русскому изданию «Бала в Кремле» (с. 26) предлагает перевод «Дедушка Ленин».

¹⁷ Первое итальянское издание вышло только в 1962 г. под заглавием «Lenin buonanima», которое было предложено самим Малапарте еще в 1939 г., но существенно искажало смысл первоначального французского названия (*bonhomme* – «добрый/простой человек», *buonanima* – «покойный»). М. Брикки, редактор последнего итальянского переиздания книги, вышедшего в 2018 г. с уточненным заглавием (IbL), предполагает, что такое решение было продиктовано стремлением автора защититься от обвинений в чрезмерном русофильстве в период охлаждения отношений между Италией и СССР в конце 1930-х. См.: Bruni R. Un rivoluzionario in partigiana. Lenin secondo Malaparte. *Le parole e le cose*. <http://www.leparoleelecose.it/?p=32753/>.

К. Малапарте «Ленин-добряк». Французское издание 1932 г.

К. Малапарте «Ленин-добряк». Итальянское издание 1962 г.

Европы и России как Запада и Востока. «Ленин-добряк», как и «Осмысление Ленина», начинается с критики буржуазной мысли, отвергающей Ленина как нечто чуждое европейскому духу. В прологе Малапарте дает своему герою исчерпывающую характеристику: «“средний европеец”, добряк и человек доктринерского фанатизма и абстрактной воли, <...> бумагомаратель, неспособный действовать за пределами теории, мелкий буржуа-домосед, потерянный в смуте революции» (IBL: 8–9). Ленин интересен европейцу Малапарте именно потому, что он не азиатский «монстр»: он «принадлежит к бесчисленному семейству мелких служащих, мелких нотариусов, интеллектуалов, провинциальных адвокатов», носителей того «фанатического духа», который и представляет главную опасность для современной Европы, поскольку в определенных обстоятельствах способен превратить любого мелкого буржуа в Кромвеля или Робеспьера (IBL: 12–13).

В обоих книгах анализ личности Ленина начинается с рассуждений о русском национальном характере, базирующихся на расхожем европейском мифе о России и русской душе, – вплоть до прямых повторов. Цитируя «Осмысление Ленина», Малапарте вновь подчеркивает гибкость и одновременно непреклонность Ленина – «оппортунистический фанатизм, которого не хватало большей части российских интеллектуалов-социалистов, разделившихся между фанатизмом без оппортунизма у народников и оппортунизмом без фанатизма у учеников Плеханова» (IBL: 36–37). В то же время, как и в «Технике государственного переворота», Малапарте подчеркивает, что Ленин (в отличие от Троцкого) не был человеком действия: он занимал выжидательную позицию, при этом расширяя свое влияние с помощью внутривнутрипартийных интриг и устраняя своих политических противников – то есть, действуя так же, как «мелкобуржуазные герои» Мазарини и Робеспьер. Порой дословно повторяя тезисы, изложенные в «Технике государственного переворота» («Есть революционная стратегия и тактика восстания. Ленин – стратег, Троцкий – тактик» (IBL: 126; ср.: ГП: 92–93)), итальянский автор смещает фокус внимания с Троцкого на Ленина: по мысли Малапарте, именно Ленин с помощью внутренних интриг «очищает партию от всех слабых, нерешительных, оппортунистов, делает из этой многочисленной организации без единой доктрины и командования *équipe* специалистов по революции, слепо подчиняющихся его воле» (IBL: 126–127). Если в «Технике государственного переворота» Ленин, в отличие от Троцкого, рассчитывает на масштабное восстание народных масс, то в «Ленине-добряке» Малапарте, казалось бы, радикально переоценивает его роль: из его рассуждений следует, что именно Ленин создает «активное меньшинство», необходимое для «технической» организации переворота. Однако эти внутривнутрипартийные интриги, в понимании итальянского автора, служат не целям революции как таковой, а исключительно личным задачам Ленина: удержаться во главе партии, чтобы в нужный момент возглавить революционное движение. В отличие от деятельного Троцкого, Ленин видит свою задачу в том, чтобы «следить за чистотой марксистской доктрины, диктовать

в.и. ленин в «советских» произведениях курцио малапарте

законы борьбы, задавать правила для революционного духа и усваивать уроки происходящих событий. Это роль Робеспьера» (IBL: 48).

Разрабатывая мотив рациональности Ленина, занимающий центральное место еще в «Осмыслении Ленина», Малапарте отмечает, что Ленин «даст пролетарской революции логику», и вновь обращается к образу «белого, неподвижного и холодного света операционных залов» (IBL: 254; ср.: IdL: 43), с той лишь разницей, что теперь эта безупречная рациональность трактуется не как сверхчеловеческая черта, вызывающая ужас и восхищение, а как мелкобуржуазный педантизм и внимание к «мелким фактам, составляющим великие события» (IBL: 49–50). Буржуазные привычки и предпочтения прослеживаются в его семейной жизни, быту, увлечениях. Он не любит опасностей и риска, ценит свободу, покой и личную безопасность, но во внутрипартийных дискуссиях отстаивает необходимость революционного насилия. Впрочем, по замечанию Малапарте, «этот мелкобуржуазный фанатик воспринимает насилие исключительно абстрактно» (IBL: 254), не осознавая ужасных практических последствий своих теорий, поскольку для этого «ему не хватает воображения»: итальянский автор метко называет такую жестокость «платонической» (IBL: 255). В этом смысле Ленин невинен: он – «*lupus Dei qui tollit peccata mundi*» (IBL: 335) (еще одна цитата из «Осмысления Ленина»). Вместо «марксистского Чингисхана», «пролетарского Магомета», каким представляет его западное воображение, Малапарте рисует образ Ленина «бледного, худого, дрожащего, с тусклым взглядом, сутулой спиной, хриплым голосом», «диктатора с менталитетом чиновника» (IBL: 337–338), доктринера-буржуа, который избегает прямого контакта с реальностью и потому сохраняет спокойствие и чистую совесть, когда по его вине погибают миллионы людей. Тело Ленина в Мавзолее описывается здесь почти теми же словами, что в «Осмыслении»: «Лежа в стеклянном гробу, он спит, спокойный и забальзамированный <...> глаза прикрыты, левая рука мягко покоится на груди» (IBL: 369–370; ср.: IdL: 48–49). Но если в первой книге «легкая улыбка» на его губах выглядит как свидетельство невинности большевистского «святого», то в «Ленине-добряке» она же выступает как признак чистой совести скромного буржуа, «чиновника в отставке», мирно почившего в своей постели: «его бумаги в порядке, его совесть спокойна» (IBL: 370).

Образ Ленина появляется и в поздних произведениях Малапарте на «советскую» тематику – в репортажах с Восточного фронта, вышедших в 1943 г. под названием «Волга рождается в Европе» (*Il Volga nasce in Europa*), и в травелоге «Я в России и в Китае» (*Io, in Russia e in Cina*, опубликовано посмертно, 1958), описывающем вторую и последнюю поездку Малапарте в СССР в 1956–1957 гг. Во фронтовых репортажах автор в очередной раз обращается к воспоминаниям о посещении Мавзолея¹⁸ (здесь они навеяны видом советского военного

¹⁸ Malaparte C. *Il Volga nasce in Europa*. Roma; Milano: Aria d'Italia, 1951. pp. 301–302.

кладбища), в значительной степени повторяя описание из «Ленина-добряка» (IBL: 369-371), а диалог с сопровождающим («– Почему вы его забальзамировали? <...> – Мы не верим в бессмертие души»¹⁹) дословно воспроизводит один из финальных фрагментов «Осмысления Ленина» (IdL: 174) и заключительную сцену «Ленина-добряка» (IBL: 371). В очерках из книги «Я в России и в Китае», описывающих короткое пребывание Малапарте в Москве по пути в коммунистический Китай, автор обращается к материалу предыдущей поездки в СССР, сравнивая новую советскую действительность с реалиями конца 1920-х и давая новую оценку и трактовку некоторым явлениям той эпохи – например, внутривластной борьбе Сталина и «старой ленинской гвардии». Однако в военной и послевоенной публицистике Малапарте фигура Ленина занимает маргинальное положение, не привлекая особого внимания автора. В контексте Второй мировой войны упоминания Ленина функционируют исключительно как ассоциации, сравнения или иллюстрации к описываемым событиям; в послевоенном переосмыслении реалий 1920-х Ленин описывается как разбитый тяжелой болезнью пассивный наблюдатель, хотя автор неоднократно подчеркивает ясность его ума и проницательность в оценке ситуации и соратников по партии²⁰. Обилие нового материала и изменение политической обстановки отвлекает внимание Малапарте-публициста от фигуры Ленина.

Однако в 1940–1950-е итальянский писатель вновь обращается к этому образу, на сей раз в художественном произведении – неоконченном романе «Бал в Кремле» (*Il ballo al Cremlino*). Замысел романа относится к середине 1940-х, но материалом для него служат впечатления от все той же поездки в СССР в 1929-м. Малапарте работал над этим текстом до конца жизни, но не успел закончить его. Неоконченный роман был впервые опубликован только в 1971 г. Это последнее по времени публикации «советское» произведение Малапарте символично «закольцовывает» творческий путь автора, с самого начала отмеченный влиянием русско-советской тематики.

Ключевой темой романа становится упадок и разложение советской номенклатуры рубежа 1920–1930-х – того слоя, который сам Малапарте называет «марксистской аристократией». В романе частично повторяются, частично переосмысляются, получая новую трактовку, темы, образы и целые сцены из «Осмысления Ленина» и «Ленина-добряка», в меньшей степени – из «Техники государственного переворота». Фигура Ленина здесь не выходит на первый план (поскольку он не является и не может являться героем книги), но ключевую роль в романе, как и в ранних «советских» произведениях Малапарте, играет сцена посещения Мавзолея, напрямую отсылающая к описаниям мертвого тела вождя в «Осмыслении Ленина» и «Ленине-добряке». В тексте «Бала в Кремле» присутствуют все те детали, которые можно встретить в первых двух произведениях:

¹⁹ Ibid., p. 302.

²⁰ Malaparte C. *Io, in Russia e in Cina*, pp. 33–34.

в.и. ленин в «советских» произведениях курцио малапарте

и белое лицо, усыпанное веснушками, и сложенная на груди левая рука, и усмешка на губах, и холодный свет электрических ламп, и картина спокойного безмятежного сна (БК: 121). И все же образ мертвого Ленина здесь приобретает радикально новую трактовку. Перед нами уже не большевистский святой из «Осмысления Ленна», не мирно почивший мелкий буржуа из «Ленина-добряка»²¹, а «медленно разлагающаяся мумия» – символ распада советского общества: ее лицо покрывает «зеленоватый, похожий на плесень пот», а ухо и пальцы одной из ног попорчены мышами (БК: 121). Отсылки к образу святых мощей – «днем и ночью русский народ проходил, рыдая, перед хрустальным гробом» – лишь подчеркивают нарочитую физиологичность описания забальзамированного тела Ленина, которое почти дословно повторяется в середине и в конце романа, что в очередной раз косвенно свидетельствует о значимости этого образа для Малапарте. Поскольку произведение осталось неоконченным, нельзя с уверенностью утверждать, что автор собирался завершить его именно таким образом, однако следует отметить, что именно этой сценой заканчиваются ключевые претексты «Бала в Кремле» – «Осмысление Ленина» и «Ленин-добряк». Более того, в самом конце романа дословно повторяется выражение «жалкая мумия» (*squallida mummia*) из финального фрагмента «Осмысления Ленина». Символично, что произведение, посвященное гибели марксистской аристократии, завершается пассажем, красочно и подробно описывающим разложение тела вождя революции: «После того, как он пролежал несколько месяцев в хрустальном гробу, заметили, что мумия разлагается, разваливается. Она стала рыхлой и местами мягкой на ощупь, сырой, испорченной» (БК: 291). В «русско-советском» творчестве Малапарте образ Ленина проходит путь последовательной деромантизации и демифологизации – путь от сверхчеловека, наделенного чертами Христа, до разлагающейся мумии.

Неослабевающее внимание Малапарте к фигуре Ленина объясняется не только интересом к Советскому Союзу как таковому. События, происходящие в Советской России, и личности, участвующие в этих событиях, воспринимаются писателем как плоть от плоти европейской буржуазной цивилизации. Ленин для Малапарте – не «азиатский монстр»: подобные ему фигуры были в истории европейских государств и могут появиться в будущем. В своих публицистических и художественных текстах автор неоднократно отмечает, что Россия – это «другая Европа», и, размышляя о Советской России, он пытается осмыслить прошлое, настоящее и будущее европейских стран, анализирует состояние и перспективы современного ему западного общества, в том числе и родной Италии.

²¹ Впрочем, «эхо» образа мелкого буржуа звучит в описании кресла, в котором умер Ленин: «Старое домашнее кресло, какие имелись в доме у каждого русского буржуа. С выцветшей, рваной обивкой, с засаленными спинной и подлокотниками <...> Ленин <...> умер в буржуазном кресле, словно герой Золя» (БК: 146).

а. в. голубцова

Литература

Дубровина О.В. Формирование представлений о Советской России/СССР в фашистской Италии 1922–1943 гг.: дисс... канд. истор. наук. М., 2017.

Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: РХГА, 2013.

References

Bruni R. Un rivoluzionario in parrucca. Lenin secondo Malaparte. *Le parole e le cose*. <http://www.leparoleele cose.it/?p=32753> (date of access: 01.10.2020).

Dubrovina O. V. *Formirovanie predstavlenii o Sovetskoi Rossii/SSSR v fashistskoi Italii 1922–1943 gg.: diss. kand. istor. nauk* [Formation of the Idea of the USSR / Soviet Russia in Fascist Italy, 1922–1943. PhD Thesis]. Moscow, 2017. (In Russ.)

Fokin S.L. *Figury Dostoevskogo vo frantsuzskoi literature XX veka* [Dostoevsky Figures in the Twentieth-century French Literature]. Saint-Petersburg: RHGA Publ., 2013. (In Russ.)

Giacobbe C. M. *Kurt Erich Suckert e la Russia. Nuove prospettive di studi malapartiani. Tesi di dottorato*. Milano, Università degli studi di Milano, anno accademico 2016/2017.

Petracchi G. Viaggiatori fascisti e/o fascisti a modo loro nella Russia e sulla Russia degli anni Venti e Trenta. *Rivista di Studi Politici Internazionali*. Nuova serie, vol. 81, no 1 (321), gennaio-marzo 2014, pp. 35–57.

Serra M. *Malaparte*. Paris: Perrin, 2012.

Traini Ch. *Narrare la Russia: gli scrittori viaggiatori italiani in Russia nel periodo sovietico. Corso di dottorato di ricerca in culture umanistiche*. Urbino, 2016.

Дата поступления в редакцию: 5.03.2021
Дата публикации: 20.11.2021

Received: 5.03.2021
Published: 20.11.2021